

ОСТОРОЖНО: БЕЗУМИЕ!

О КАРАТЕЛЬНОЙ
ПСИХИАТРИИ
И ОБЫЧНЫХ ЛЮДЯХ

*Мишель
Фуко*

Москва
издательство
РОДИНА
2025

УДК 616.89
ББК 56.14
Ф94

Фуко, Мишель.

Ф94 Осторожно: безумие! : о карательной психиатрии и обычных людях / Мишель Фуко ; [перевод с английского]. — Москва : Родина, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-00222-872-0

В начале 1960-х годов Мишель Фуко задался вопросом: кто такие безумные и как менялось отношение к ним на протяжении всей истории. Итогом этих размышлений стал фундаментальный труд по истории психиатрии и легкие подозрения автора в том, что наука об умалишенных всегда была на службе государства. А если так, то можно ли называть ее наукой? На протяжении всей истории человечества безумными называли не тех, кто болен, но тех, кто неудобен государству. Чем больше размышлений — тем больше вероятность, что факт наличия мыслей будет использован как аргумент на приеме у психиатра.

Предлагаемое издание представляет собой фундаментальный труд социолога, посвященный изучению понятия нормы и патологии. Книга стала импульсом для создания так называемой «антипсихиатрии» — движения против системы карательных мер по борьбе с любым рода инакомыслием.

УДК 616.89
ББК 56.14

ISBN 978-5-00222-872-0

© М. Фуко, 2025
© ООО «Издательство Родина», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Е. Бута. От эксперимента Розенхана к антипсихиатрии . . . 7

Безумие и общество 14

ПСИХИЧЕСКАЯ БОЛЕЗНЬ И ЛИЧНОСТЬ

Введение 25

Глава 1. Психическая медицина и органическая медицина . 26

Глава 2. Психологические измерения болезни 38

Глава 3. Условия болезни 78

Заключение 104

НЕНОРМАЛЬНЫЕ

Глава 1. Психиатрические экспертизы

в уголовной практике 111

Глава 2. Безумие и преступление 132

Глава 3. Три фигуры, из которых складывается область

аномалии: человеческий монстр, исправимый

индивид, ребенок-мастурбатор 157

Глава 4. Моральный монстр 181

Глава 5. В стране людоедов 209

Глава 6. Инстинкт как объяснительная решетка

незаинтересованного и ненаказуемого преступления . 239

Глава 7. Поле аномалии пронизано проблемой

сексуальности 272

Глава 8. Новая процедура дознания: дисквалификация

тела как плоти и кульпабилизация тела плотью 305

Глава 9. Проблема мастурбации между христианским дискурсом плоти и сексуальной психопатологией . . .	337
Глава 10. Что делает приемлемой для буржуазной семьи психоаналитическую теорию инцеста? (Опасность исходит от желания ребенка)	371
Глава 11. Смешанная фигура: монстр, мастурбатор и не поддающийся нормативной системе воспитания .	400
Ответы философа	434
Примечания	452

ОТ ЭКСПЕРИМЕНТА РОЗЕНХАНА К АНТИПСИХИАТРИИ

В 1973-м году в США тридцатичетырехлетний доктор психологии Дэвид Розенхан собрал своих друзей и предложил им пойти на отчаянную авантюру — стать пациентами психиатрической клиники. Нужно сказать, что Розенхан был крайне разносторонне развитым человеком. Прежде чем увлечься психологией он успел получить степени по истории искусств и по экономике. В аспирантуру по психологии он попал, будучи уже взрослым человеком со своими взглядами на жизнь. Оказалось, что психологическое сообщество не готово к тому, чтобы к ним «лезли со своим уставом». Работая в психиатрической больнице, Дэвид раз за разом сталкивался с одной и той же картиной: врач смотрел историю болезни, а затем механически назначал человеку препараты. Часто на прием попадали подростки, которых привели сюда родители за плохое поведение, жены, слишком надоевшие мужьям, а также старики, наотрез отказывавшиеся отправляться умирать в дом престарелых. Часто такие пациенты не демонстрировали никаких симптомов заболевания, но врач все равно назначал весьма опасные препараты и нехотя давал направление на психотерапию (которую обычно не покрывала страховка пациентов). Все это сильно раздражало Дэвида, пока наконец это раздражение не переросло в спор с коллегой, который был абсолютно убежден, что психиатрия — это наука, а, следовательно, если и не все пациенты имеют верный диагноз, то уж девяноста процентов верных диагнозов точно есть.

Это было время психологических экспериментов. Чуть ли не каждый день публиковали статьи с описанием очередного эксперимента в Пало-Альто. Открывались психологические лагеря, Милгрэм уже стал гуру психоло-

гии благодаря своему исследованию на подчинение, когда людей просили нажимать на кнопку, чтобы бить другого человека за стенкой током. Зимбардо уже прославился благодаря своей «тюрьме», а Тимоти Лири, пичкавший студентов психоделиками, уже успел сбежать из страны. Впрочем, во всех случаях, речь шла о студентах. Когда Розенхан только заикнулся о том, чтобы провести свой эксперимент, руководство только покрутило пальцем у виска и попросила психолога больше не заикаться о подобном.

Ученому ничего не оставалось, кроме как «подбить» своих друзей на участие в аванюре, которая явно не сулила ничего хорошего.

— Если мы захотим остановить эксперимент, а нас не выпустят? — поинтересовался один из «подписавшихся».

Розенхан заверил, что такого быть не может, но все же заранее проплатил адвокатов на случай непредвиденных обстоятельств. Перед началом эксперимента юристы подготовили на каждого участника исследования полный комплект документов, свидетельствовавших об их психическом здоровье. Эти папки так и не пригодились, хотя по утверждению участников, им хотелось воспользоваться правом на выход из эксперимента каждый день.

* * *

— Вы знаете, я иногда слышу какие-то голоса. Обычно это отдельные слова, вроде «пустой», «бесполезный», «лишний»...

— Они что-то приказывают вам?

— Нет, это просто очень неприятные отдельные слова. Наверное, это из-за одиночества, которое я в последнее время очень остро ощущаю.

— Я считаю, что вам необходимо пройти обследование в психиатрической больнице, так как ваше состояние опасно для вас и для окружающих.

Такие разговоры проходили в нескольких штатах. Пять клинических психологов, подруга Дэвида Розенхана и его приятель, с которым он учился в колледже искусств отправились на обследование в разные психиатрические

клиники страны. Всего в исследовании приняло участие 12 больниц (Розенхан и еще один психолог несколько раз «проходили обследование»).

Некоторые условия эксперимента

Галлюцинации являются тяжелым и тревожным симптомом. Чем сложнее образ, тем тревожнее. Слышать отдельные звуки или односложные слова — все не так страшно. Слышать директивные установки — все очень плохо. Визуальные образы — еще хуже. «Лжепациенты» говорили о «голосах» в таких формулировках, чтобы их можно было списать на депрессию или экзистенциальный кризис. Важно было продемонстрировать неоднозначную симптоматику, требующую дополнительного обследования, а не «играть умалишенного».

По условиям эксперимента все «лжепациенты» не должны были демонстрировать в больнице никаких признаков ментального расстройства. Упоминание о «голосах» нужно было только для того, чтобы получить направление в больницу, дальше они должны были вести себя так же, как и всегда.

Все они должны были назвать вымышленные имена и профессии, а остальные факты биографии должны были остаться без изменений. Вернее, пятеро психологов и сам Розенхан назвали вымышленные профессии, а приятель Розенхана художник и его подруга-домохозяйка придумать себе профессии не стали.

Ход эксперимента

Спустя несколько дней в больнице «лжепациент» начинал чувствовать подступающую депрессию, а через неделю начинал сомневаться в своей вменяемости.

Дэвид Розенхан вспоминал об этом времени так: «Врачи не тратят времени на разговоры с пациентом. В среднем пациент общается с персоналом 5–7 минут. Каждое действие пациента персонал трактует как проявление болезни. Один санитар заметил, что я веду записи, после чего врач зафиксировал это в моей карте «тягу к графо-

мании», которой характеризуются некоторые формы шизофрении. Плохое настроение, угнетенное состояние духа трактуется как негативная симптоматика, но ни в каком другом состоянии здесь пребывать нельзя».

По условиям эксперимента все «лжепациенты» должны были отрицать наличие каких бы то ни было галлюцинаций или других симптомов болезни, но оказалось, что без признания факта болезни их никто отсюда выпускать не собирается. Все лжепациенты свидетельствовали, что в определенный момент чувствовали, что уже не в состоянии здесь находиться, но потом все же находили в себе силы продолжать эксперимент.

* * *

— Вы понимаете, что признание болезни — первый шаг на пути к исцелению? Вы слышите голоса?

— Да, но я давно их не слышу. Даже не уверен, слышал ли их раньше.

— То есть вы признаете, что слышали голоса, но отказываетесь принимать лекарства?

— Сейчас нет никаких голосов.

— Для того, чтобы их и в дальнейшем не было, вы должны согласиться принимать лекарства. Без этого я не могу быть уверен, что вы безопасны для себя и окружающих, а следовательно, не могу выписать вас.

— Хорошо, я буду принимать лекарства.

Через подобные разговоры прошли все участники исследования. Каждый «лжепациент» был вынужден согласиться принимать таблетки (они предпочитали спускать их в унитаз, равно как и все остальные пациенты больницы). Спустя какое-то время их выписывали из больницы с психиатрическим диагнозом и рецептом на сильнодействующие препараты.

В результате эксперимента все испытуемые были выписаны с тяжелыми диагнозами. Одиннадцать раз «выявили» шизофрению, а один раз «маниакально-депрессивный психоз».

Второй этап эксперимента

Опубликованные результаты исследования имели эффект разорвавшейся бомбы. Психиатрическое сообщество изгнало из своих рядов Розенхана. Он превратился в персону *non grata* во всех медицинских учреждениях страны, но снискал любовь журналистов. Праведный гнев общественности вынудил руководство больниц страны оправдываться и давать объяснения. В исследовании принимали участие как бедные муниципальные больницы на задворках штата, так и довольно дорогие лечебницы с хорошей репутацией, однако все больницы, на которые не пал взор Розенхана, конечно, в один голос утверждали, что у них бы «этот номер не прошел».

В конце концов, Розенхан предложил одной из больниц официальный и контролируемый эксперимент: в течение нескольких месяцев к ним в больницу *incognito* придет один или несколько симулянтов, которых они должны будут выявить. По окончании срока эксперимента больница предъявила Розенхану 43 симулянта, а еще столько же человек были заподозрены в симуляции симптомов болезни. Оказалось, однако, что больница немного перестаралась. Розенхан не посылал в больницу ни одного пациента. Из 193 человек, обратившихся за это время в больницу, 43 были признаны психически здоровыми.

Результаты

Эксперимент Розенхана показал степень стигматизации психически больных людей. По утверждению психолога, оказавшись в таком месте, пациент утрачивает право называться человеком. Все его действия или суждения трактуются только как симптоматика заболевания. Любые жалобы также свидетельствуют только о негативной динамике болезни.

Дэвид Розенхан вспоминал: «Стигма болезни остается с человеком навсегда. Нигде в обществе его больше не воспринимают как человека со своими мыслями и суждениями. В некотором смысле положение пациента в психи-

атрической клинике более тяжелое, чем у заключенного в тюрьме, так как там человеку оставляют право считать себя человеком, а в больнице он лишается этого статуса»

Еще одной проблемой, которую выявил эксперимент, стала реакция больниц. Медицинское сообщество восприняло эксперимент в штыки. Как и любая другая закрытая иерархичная система, оказалось, что больницы больше всего боятся огласки и публичности.

Проблема эксперимента Розенхана заключалась еще и в том, что пациенты самостоятельно обращались за помощью. Если человек сам говорит о том, что «слышит голоса» симптоматика действительно весьма тревожная, но ведь не сами пациенты об этом говорили. Информацию о «голосах» больница получала от психолога, который выдал направление.

Настоящую проблему составляли не в меру тревожные родственники, которые по своим мотивам направляли пациентов в больницы, считая инакомыслие симптомом болезни. Чаще всего, жертвами такой стигмы, по наблюдениям Розенхана, становились подростки, которых тревожные и деспотичные матери отправляли «на обследование». Врачи вследствие профессиональной деформации ставили подростку диагноз, который кардинально менял, а иногда и ломал судьбу таких детей.

Эксперимент показал необходимость снять стигму со всех ментальных расстройств, а также наглядно продемонстрировал медицинскому сообществу единственный способ борьбы с профессиональным выгоранием. Любой психиатр рано или поздно начинает в любом человеке видеть пациента. Важно, чтобы он при этом в любом пациенте продолжал видеть человека.

Исследование Розенхана, эксперименты «Вилла 21» и «Шумная комната» дали мощный толчок развитию общественного движения антипсихиатрии, которое боролось против стигматизации душевнобольных. Главным идеологом и теоретиком этого движения выступил Мишель Фуко. Его работы «История безумия», «Психиатрическая власть» и «Ненормальные» как нельзя лучше описали от-

ношение общества к любого рода инакомыслию. Философ, изучавший устройство психиатрических больниц и пенитенциарной системы, пришел к выводу, что лечебницы для душевнобольных были созданы, исключительно для того, чтобы стигматизировать безумие. Если тюремное заключение ставит клеймо на поступках человека, то попадание в больницу лишает вас самого статуса человека. Согласно Фуко, карательная, стигматизирующая функция больниц была не сопутствующим ущербом, но основополагающим фактором. Вследствие этого, все устройство больниц задумано таким образом, чтобы человек устыдился своих «безумных» мыслей и поступков. Мужья и жены, родители и дети, а главное, государство, — пользуются основной и главной функцией больниц для душевнобольных — они требуют от человека полного и тотального подчинения. Философ не отрицал само существование душевных болезней и необходимость их лечения, однако, сомневался, что общество сможет, а главное, захочет модернизировать такой удачный социальный институт по тотальному подчинению.

Елизавета Бута, клинический психолог

Мишель Фуко

БЕЗУМИЕ И ОБЩЕСТВО

*Лекция, прочитанная 29 сентября 1970 года
во Франко-Японском институте в Киото*

Вплоть до настоящего времени на Западе традиционный подход к изучению систем мышления заключался в том, что основное внимание уделялось лишь позитивным феноменам. Однако за последние годы Леви-Стросс в этнологии разработал методику, позволяющую в любом обществе и культуре выявлять некую негативную структуру. Например, он показал, что если в рамках какой-то культуры кровосмешение запрещается, то это не зависит от утверждения определенного типа ценностей. Просто это означает, что в этой культуре существует, если можно так выразиться, некое поле сероватых или светло-голубых и потому едва различимых ячеек, которые и определяют ее склад. И как раз такую сетку подобных ячеек мне и хотелось бы приложить к изучению истории систем мышления. Стало быть, моя цель состоит не в том, чтобы узнать, что утверждается и превозносится в том или ином обществе или в некоей системе мышления, но в том, чтобы изучать то, что в них отвергается и исключается. Так что сам я довольствовался тем, что применял методику работы, которая уже получила признание в этнологии.

Безумие исключалось во все эпохи. Однако за последние пятьдесят лет в тех государствах, что называются нами развитыми, этнологи и психиатры-компаративисты в первую очередь пытались определить, существует ли то безумие, с которым они сталкиваются в своих странах, а именно такие душевные расстройства, как навязчивый невроз, паранойя, шизофрения, также и в обществах, называемых ими «первобытными». И только во вторую очередь они стремились выяснить, наделяют ли эти перво-

бытные общества безумных особым статусом, отличным от того, что официально признается за ними в странах, где живут эти этнологи и психиатры. Но если в их собственных обществах безумцы исключались всегда, то может быть, хотя бы общества первобытные признавали за ними положительную ценность? И не являются ли душевнобольными, например, шаманы Сибири или Северной Америки? И только в самом конце они начинали задаваться вопросом, не могут ли некоторые общества сами быть душевнобольными. Так, к примеру, Рут Бенедикт пришла к выводу, что всё племя индейцев Квакиютль имеет параноидальный характер.

Однако сегодня мне бы хотелось говорить с вами, следуя подходу прямо противоположному тому, что практикуется подобными исследователями. Во-первых, я хотел бы посмотреть, каким был статус безумца в обществах первобытных, во-вторых, сравнить его со статусом сумасшедших в наших индустриальных обществах, и, в-третьих, поразмышлять о причине той перемены, что с нами произошла в XIX веке, и, наконец, в качестве заключения продемонстрировать, что положение, в котором в современном индустриальном обществе оказывается безумный, с тех пор в основе своей не изменилось.

Области человеческой деятельности в общих чертах могут подразделяться на четыре следующие категории:

- 1) труд, или экономическое производство;
- 2) сексуальность, семья, то есть воспроизводство общества;
- 3) говорение, речь;
- 4) игровая деятельность, напр., игры и празднества.

Однако во всех обществах имеются лица, чье поведение отличается от поведения других, выходя за рамки правил, обыкновенно определяемых этими четырьмя областями, словом, такие лица, которых мы называем маргиналами. Ведь даже среди обычного населения отношение к труду изменяется в зависимости от пола и возраста. И во многих обществах правящие политики и клирики, если им приходится управлять работой остальных или

служить посредниками по отношению к сверхъестественным силам, сами непосредственно в труде не участвуют, и цикл производства их не касается.

Существуют также лица, которые уклоняются и от второго цикла, воспроизводящего общество. Примером этого служат холостяки, которых, в частности, встречается много среди клириков. Впрочем, известно, что у индейцев Северной Америки существуют педерасты и транзитивиты, и нужно отметить, что по отношению к воспроизводству общества они также занимают маргинальное положение.

На третьем месте стоят лица, ускользающие от нормы дискурса. Ведь произносимые ими слова имеют совершенно иной смысл. В подобном случае слова пророка, его речи, таящие в себе символический смысл, могут в один прекрасный день явить свою скрытую истину. Да и слова, которые употребляют поэты, подчас принадлежат к сфере эстетики и точно так же ускользают от нормы.

На четвёртом месте во всех обществах стоят лица, исключенные из игр и празднеств. Происходит же это либо потому, что их считают опасными, либо потому, что они сами — предмет некоего празднества, подобно козлу отпущения у евреев, когда кто-то приносился в жертву, беря на себя прегрешения остальных; по поводу церемонии исключения народ и устраивал празднество.

Во всех таких случаях те, кто подвергается исключению в той или иной области, оказываются разными людьми, но бывает и так, что во всех областях исключается одно и то же лицо, и это — безумец. Ведь во всех, или почти во всех обществах, безумец исключается отовсюду, и в зависимости от обстоятельств его наделяют то религиозным, то магическим, то игровым, а то и патологическим статусом.

К примеру, в одном первобытном австралийском племени безумец считается опасным для общества существом, так как он наделен сверхъестественной силой. С другой стороны, некоторые сумасшедшие становятся жертвами общества. Во всяком случае, это люди, чье поведение

отлично от поведения остальных и в работе, и в семейной жизни, и в речах, и в играх.

Мне же хотелось бы сейчас вспомнить и о том, что и в наших современных индустриальных обществах посредством сходной по форме системы исключения безумцы точно таким же образом исключаются из обычного общества, и им приписывается маргинальный характер.

Прежде всего, в том, что касается отношения к труду, даже в наши дни первый довод в пользу того, что тот или иной индивид является безумным, связывают с его неспособностью трудиться. Так, Фрейд справедливо заключил, что безумцем (а он главным образом говорил о невротиках) является лицо, не способное ни любить, ни работать. Мне ещё придётся вернуться к этому глаголу «любить», но за подобным представлением Фрейда скрывается глубокая историческая истина. Ведь в средневековой Европе существование безумцев считалось приемлемым. Порою они выходили из себя, теряя равновесие, либо представляли в глазах общества тунеядцами, но им было позволено бродить где угодно. Однако начиная примерно с XVII века, когда стало формироваться индустриальное общество, существование подобных лиц перестало быть терпимым. И в ответ на подобные требования индустриального общества во Франции и Англии почти одновременно были созданы большие заведения для того, чтобы их туда помещать. Причем водворили туда не только сумасшедших, но также и безработных, увечных, стариков, то есть всех тех, кто не был способен работать.

Традиционное представление историков состоит в том, что как раз в конце XVIII века, а во Франции именно в 1793 году Пинель освобождает безумцев от их цепей, и почти в ту же пору в Англии квакер Тьюк создает психиатрическую лечебницу. Считается, что до тех пор безумцы считались преступниками, а Пинель и Тьюк впервые отнесли их к разряду больных. Но я должен сказать, что подобная точка зрения ошибочна. Во-первых, неправда, что до Революции безумцы рассматривались как преступники, а, во-вторых, полагать, что безумцы были избавлены

от своего прежнего статуса — это не что иное, как пред-
рассудок.

И это второе представление является, быть может, более опасным предубеждением, чем первое. Вообще, как в первобытном обществе, так и в обществе современном, как в Средние века, так и в XX столетии это представление сводится к тому, что можно было бы назвать универсальным статусом, приписываемым безумцам. Единственное отличие состоит в том, что с XVII по XIX век право требовать помещения безумца в лечебницу принадлежало его семейству. И поначалу безумцев изолировала семья. Однако начиная с XIX века семья постепенно утрачивает такое исключительное право и оно переходит к врачам. Для того, чтобы поместить безумца в приют, требовалось медицинское освидетельствование, и стоило безумцу там оказаться, как в качестве члена семьи он считался лишённым всякой ответственности и всякого права; он утрачивал даже гражданство, оказываясь полностью пораженным в правах. Можно даже сказать, что это право отнималось у него медициной, чтобы наделить безумцев маргинальным статусом.

Во-вторых, следует отметить одно обстоятельство, касающееся сексуальности и семейной системы. Когда мы обращаемся к европейским документам до начала XIX века, то видим, что такие виды сексуального поведения, как мастурбация, педерастия, нимфомания, вовсе не проходили по ведомству психиатрии. Именно в начале XIX века эти сексуальные отклонения были отождествлены с безумием и стали рассматриваться как расстройства, которые проявляет некое существо, не способное к жизни в европейской буржуазной семье. Так, начиная с той поры, как Бейль описал прогрессивный паралич и доказал, что последний обязан своим возникновением сифилису, утверждается представление, что главная причина безумия коренится в половых аномалиях. И когда впоследствии Фрейд рассматривал нарушения полового влечения в качестве причины или выражения безумия, то это только усиливало уже установленную взаимосвязь.

В-третьих, статус безумца в Европе был очень любопытным и в том, что касается речи. С одной стороны, речь безумцев отвергалась, как не имеющая ценности, а с другой стороны, полностью ею никогда не пренебрегали, поскольку ей всегда уделялось особое внимание.

Для начала стоит привести пример с шутами, существовавшими в маленьком сообществе аристократов на протяжении Средних веков и Возрождения. Можно сказать, что в некотором роде в лице шута речи безумия придавался нормативный статус. Ведь шут, вне всякого отношения к политике и морали и, более того, под покровом безответственности, в виде знамений и иносказаний говорил правду, которую обыкновенные люди высказывать не могли.

В качестве второго примера можно взять литературу, которой вплоть до XIX века в значительной степени придавался официальный статус в качестве опоры общественной морали или средства развлечения. Однако в наши дни литературное слово полностью от всего этого освободилось и стало всецело анархическим. Иными словами, между литературой и безумием существует чрезвычайно любопытное сродство. Ведь литературное слово не подчиняется правилам обыденного языка. К примеру, оно не подчиняется строгому правилу постоянно говорить истину, а это значит, что произносящий такое слово не подчиняется обязанности всегда оставаться правдивым во всем, что он думает и ощущает. Короче говоря, слова литературы в отличие от слов политики или науки занимают по отношению к обыденной речи маргинальное положение.

Если же брать европейскую литературу, то именно в течение следующих трех периодов язык литературы стал в особенности маргинальным.

1. В XVII веке он стал ещё более маргинальным, ассоциальным, чем был в Средневековье, поскольку уже рыцарские романы и эпопеи выступали в качестве разлагающей и оспаривающей общество силы. Это было как в случае «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского и творений Торквато Тассо, так и в случае елизаветинского театра.

А во Франции появилась даже литература, написанная безумцами. Герцог Бульонский даже приказал за собственный счёт отпечатать текст, написанный одним безумцем, читая который французы изрядно потешались.

2. Вторая эпоха настала в конце XVIII или в начале XIX века. Именно тогда в качестве литературы безумия появляются стихотворения Гёльдерлина и Блейка, а также творения Раймона Русселя. Причём последний из-за навязчивого невроза даже лег в психиатрическую лечебницу для того, чтобы пройти курс лечения у выдающегося психиатра Пьера Жане, но, в конце концов, всё равно покончил с собой. То, что произведения Раймона Русселя служат отправной точкой для такого современного автора, как Роб-Грийе, можно усмотреть даже в том простом обстоятельстве, что именно ему он посвятил свою первую книгу¹. Что же касается Антонена Арто, то он просто-напросто был шизофреником, однако именно он, после того как сюрреализм пришел в упадок, совершил в поэтическом мире прорыв, открыв новые горизонты. Впрочем, достаточно вспомнить о Ницше и Бодлере, чтобы убедиться, что для того, чтобы возделывать новые литературные нивы, нужно либо подражать безумию, либо действительно стать сумасшедшим.

3. В наше время люди уделяют все больше внимания связи между литературой и безумием. В конечном счёте и безумие, и литература по отношению к обыденной речи занимают маргинальное положение и ищут тайну литературного творчества в прообразе, который являет собою безумие.

Наконец, задумаемся над положением, которое безумец в индустриальном обществе занимает по отношению к играм. В традиционном европейском театре, начиная со Средних веков и вплоть до XVIII столетия (а я полагаю, что то же самое происходило и в Японии), главную роль играл безумец, дурак. Безумец заставлял зрителей смеяться. Ибо он видел то, что не видели другие действующие лица, и до них раскрывал развязку всех сюжетных перипетий. Иначе говоря, он был существом, с блеском рас-

крывающим истину. Шекспировский «Король Лир» — хороший тому пример. Ведь король Лир — это жертва своей собственной фантазии, но в то же самое время — персонаж, говорящий истину. Иными словами, безумец в театре — это персонаж, который своим телом выражает правду, неведомую ни зрителям, ни другим действующим лицам, это персонаж, через которого является сама истина.

Впрочем, в Средние века существовало множество праздников, но среди них был лишь один нерелигиозный. Именно его называют праздником Безумия. На этом празднестве полностью переворачивались социальные и традиционные роли: бедняк играл роль богача, а слабый — роль всемогущего. Люди меняли пол, упразднялись половые запреты. Мелкий люд по случаю этого праздника имел право высказать мэру или епископу что угодно. Обычно это были оскорбления... Словом, на этом празднике переворачивались и подвергались сомнению все общественные, речевые и семейные установления. Мирянин служил обедню в церкви, после чего туда приводили осла, чей рёв воспринимался как насмешка над литаниями мессы. В конечном счёте, речь шла о празднике, противоположном обыкновенному воскресенью, Рождеству или Пасхе, о празднике, который выпадал из привычного круга обычных праздников.

В наши дни праздники утратили свой политико-религиозный смысл, и вместо этого мы прибегаем к алкоголю и наркотикам, как способу протеста против общественного строя, и тем самым создаём своего рода искусственное безумие. В сущности, это тоже подражание безумию, и мы можем рассматривать его как попытку вызвать возмущение в обществе, создавая в нём состояние, подобное безумию.

Я, безусловно, не являюсь структуралистом. Ведь структурализм — это всего лишь разновидность анализа. К примеру, как менялись условия, в которых оказывался безумец, со времён Средневековья до наших дней? Каковы были необходимые условия такой перемены? Я прибе-

гаю к структуралистскому методу лишь для того, чтобы все это анализировать.

Так, и в Средние века, и в эпоху Возрождения безумцам позволялось существовать в лоне общества. Тот, кого называли деревенским дурачком, не женился, не участвовал в играх, однако остальные его кормили и содержали. Он бродил из деревни в деревню, иногда вступал в армию, становился бродячим торговцем, но когда он становился слишком возбуждённым и опасным, все остальные строили за пределами деревни хижину, куда его заключали на некоторое время. Арабское общество по отношению к безумцам всегда было терпимым. Европейское же общество в XVII веке стало совершенно нетерпимым по отношению к безумцам. Я уже упоминал, что причиной этого было формирование индустриального общества. Я также говорил, как примерно с 1650 по 1750 годы в таких городах, как Гамбург, Лион, Париж, были созданы солидные по своим размерам учреждения, чтобы заключать туда не только безумных, но и стариков, больных, безработных, бездельников, проституток, то есть всех, кто не вписывался в рамки формирующегося общественного порядка. Индустриальное капиталистическое общество не могло терпеть существования сообществ празднующихся. Из полумиллиона жителей, что в ту пору насчитывало парижское население, шесть тысяч оказались в заключении. В подобных учреждениях не допускалось и мысли о лечении: всех заключённых просто принуждали к каторжному труду. А в 1665 году полиция в Париже была преобразована, и именно так создается поле ячеек, которое необходимо для образования общества, потому что полиция осуществляла постоянный надзор за помещаемыми в приют бродягами.

Однако есть некая ирония в том, что и в современных психиатрических лечебницах зачастую применяется врачевание трудом. Логика, лежащая в основе подобной практики, очевидна. Ведь коль скоро первым критерием безумия оказывается неспособность к труду, то и для того,